

«ОТ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ОСВОБОДИТЬ»

Борьба с преступностью в Выборгском гарнизоне в начале XVIII века

Аннотация. В статье на основе архивных материалов анализируется характер преступлений и дисциплинарных проступков, совершённых офицерами Выборгского гарнизона (1710—1730 гг.).

Ключевые слова: Выборг; гарнизон; офицерский корпус; преступность; судебные приговоры.

Summary. This paper based on archival materials analyzes the nature of the crimes and misconduct committed by officers of the Vyborg Garrison (1710—1730).

Keywords: Vyborg; garrison; officer corps; crime; court judgments.

Взятие Выборга российскими войсками 12 июня 1710 года было одним из основных событий Северной войны (1700—1721 гг.). Детальному описанию перипетий военных операций под Выборгской крепостью посвящено немало страниц в работах российских историков¹, поскольку важность этого форпоста на северных рубежах России (Карельский перешеек) и ключевого пункта обороны Санкт-Петербурга сложно переоценить. Вместе с тем те же научные труды оставляют вне поля зрения политику царского правительства в этом регионе в последующие годы, как будто он по окончании Русско-шведской войны потерял свою значимость². Отрывочные сведения о численности гарнизонных полков, которые стояли на страже российских интересов на столь важном участке порубежья³, не дают целостного представления о проблеме. В предлагаемой читателям «Военно-исторического журнала» статье делается попытка заполнить этот пробел.

НАЧИНАЯ с 1713 года численность трёх полков Выборгского гарнизона составляла когда 2,5, когда 3,5 тыс. человек. Так, в 1717-м в них служили 2666⁴, а более двадцати лет спустя (1739 г.) — 3783 офицера и солдата⁵. Поскольку именно военное сословие являлось главным гарантом поддержания внутреннего порядка в крепости и организации своевременного отпора внешнему врагу, то на командующего местными гарнизонными войсками были возложены и обязанности главы Выборгской провинции. Первым её обер-комендантом (1719 г.) стал полковник И.М. Шувалов⁶.

Вместе с тем при всём стратегическом значении порубежного пункта сюда на военную службу направляли отнюдь не отборные воинские части, и гарнизон комплектовался на основании общих для российской армии того времени принципов. Вследствие этого третью часть каждого местного полка составляли рекруты, направленные в Выборг для общего обучения и приобретения первичных практических навыков. Но не каждый из них мог успешно и безропотно осваи-

вать сложную для новобранца «науку побеждать», подчиняться повседневному строгим требованиям. Естественно, случались всевозможные недоразумения, инциденты, нарушения, носителями которых являлись не только подчинённые, но и командиры, допускавшие зафиксированные в материалах военно-судебных дел злоупотребления властью и растрату материальных ценностей⁷. Уже в самых ранних из дошедших до нас источниках по истории Выборгского гарнизона встречаются указания на подобные преступления, совершённые офицерами. Именно их исследование выявило характерные черты в системе функционирования местных и центральных судебных институтов.

Первые сведения о случавшихся здесь правонарушениях, которые удалось выявить, относятся к 1718 году. Как следует из доноса «полкового писаря Андрея Иванова сына Пушкарёва», нормой гарнизонного быта в конце 1710-х годов стали хищения полкового имущества местными штаб-офицерами, уведомление о которых было подано 14 декабря 1718 года. Располагая данными о преступлениях офицеров «Неёло-

ва полка» (с 1727 г. стал именоваться Карельским), в частности «подполковника Алексея Васильева сына Ступишина, премьер-майора Ивана Михайлова сына Лаврова, Майора Афонасия Семенова сына Бешенцова», а также «бывшего командующего полком полковника Матвея Неклюдова», писарь подробно изложил всё, что ему было известно⁸. Так, он обвинил А.В. Ступишина в систематических хищениях денег, вырученных от продажи мундирного сукна, длившихся в течение шести лет. Таких эпизодов с «раскрытием схемы» действий нечестного на руку офицера значилось семь. Из них следовало, что готовое обмундирование или сукно, поставлявшееся в Выборг, продавалось служащим за часть их жалованья. Впрочем, это допускалось законом, но при условии если деньги передавались в полковую казну. Однако, как правило, они шли на личные расходы подполковника. То же самое происходило и после продажи остатков материи местным обывателям. Сумма похищенного А.В. Ступишиным превышала годовое жалованье (согласно нормам воинского штата 1711 г. — 100 рублей)⁹ подполковника гарнизонного полка Санкт-Петербургской губернии. Кроме того, Неклюдов, Ступишин и Бешенцов раздавали мундирные кафтаны своим денщикам, не взимая с них платы.

Обвинения, выдвинутые против премьер-майора того же полка И.М. Лаврова, тоже были серьёзными. По свидетельству А.И. Пушкарёва, этот «злумышленник» прибегал к наказанию унтер-офицеров и рядовых «у себя на квартире, не объявляя при ротах их вины»; освободил от служебных обязанностей нескольких писарей,

унтер-офицеров и рядовых для работы на штаб-офицеров полка. «На государевы караулы, — доносил писарь, — не командируютца и пишут всякие ево домовые и мызничьи дела на полковой бумаге, которая купитца на государевы полковые деньги»¹⁰. Косвенно правдивость обвинения могли бы доказать сведения, почерпнутые из приходо-расходных книг Выборгской провинции. Однако материалов о каких-либо земельных владениях, арендовавшихся офицерами Выборгского гарнизона в 1710-х годах, выявить не удалось. А вот результаты изучения документов за 1730-е годы, хранящихся в провинциальном финском архиве г. Миккеле¹¹, подтверждают наличие у упомянутого Ступишина и других представителей командного состава арендованных деревень и сенных покосов, взятых на откуп.

Дополнительную интригу обстоятельствам дела придаёт тот факт, что буквально через месяц после доноса А.И. Пушкарёва против него самого началось следствие о получении взятки. 31 января 1719 года на свет появился донос ротного писаря Фёдора Трифанова, в котором указывалось на сокрытие Пушкарёвым информации о кражах казённого провианта. В ходе последовавших допросов под подозрение попала целая группа выборгских военнослужащих и чиновников местного провиантского магазина.

Совпадение начала двух расследований, безусловно, не является случайным. Можно предположить два альтернативных варианта развития событий. В первом случае это могла быть попытка штаб-офицеров Неёлова полка защититься от доноса А.И. Пушкарёва выдвижением против него встречных обвинений. Во втором — стремление последнего, знавшего о скором начале против него следствия, отвлечь внимание командования гарнизона на расследование иного преступления.

Подробное описание обстоятельств указанного дела о систематических кражах из местного провиантского магазина содержат документы Выборгской провинциальной канцелярии (в настоящее время хранятся в Национальном архиве

Финляндии)¹². Среди прочей делопроизводственной документации находится перечень колодников, взятых под стражу в Выборге с 1719 по 1722 год. В их числе — прапорщик Ларион Никифоров «сын Шеншин», шестеро фурьеров, провиантмейстер, провиантский подъячий и трое целовальников, уличённых в получении из магазина муки и круп за беглых, умерших и отлучных солдат. Значился и этот перечень и полковой писарь А.И. Пушкарёв, обвинённый в получении взятки за неразглашение информации о хищениях.

Преступления офицеров подпадали под нормы Артикула воинского 1715 года¹³ — основного свода законодательства той поры. Сначала они расследовались в Выборге, после чего приговор гарнизонного командования утверждался в Военной коллегии — высшей военно-судебной инстанции. При этом офицеры, совершившие кражу при выдаче жалованья или провианта, лишались чина, подвергались ссылке на галеры или смертной казни в зависимости от обстоятельств дела. Приговор, который вынес выборгский обер-комендант И.М. Шувалов, был созвучен букве закона. Он карал прапорщика Л.Н. Шеншина разжалованием в солдаты, а писаря А.И. Пушкарёва — ссылкой на каторгу на два года¹⁴. Однако данное решение не было окончательным. Далее дело перешло на рассмотрение в Военную коллегию.

Как правило, решения своей участи офицерам приходилось ждать в течение нескольких лет. Если приговор по делу о краже провианта из выборгского магазина был вынесен Военной коллегией спустя два года после начала следствия (1721 г.), то вердикт по делу о доносе Пушкарёва не оглашали шесть лет. Предварительный приговор гарнизонного начальства был озвучен 7 августа 1722 года и требовал казни Пушкарёва в соответствии с артикулами 148-м о неправом доносителе и 194-м о неисправном заполнении приходо-расходных книг. Члены Военной коллегии решение приняли два года спустя, ле-

том 1724-го. Они также осудили А.И. Пушкарёва, но по иной статье. В высшей судебной инстанции приняли во внимание, что часть обвинений, выдвинутых бывшим полковым писарем, оказалась доказанной, а сам его донос позволил пресечь преступления офицеров полка. Против него сыграл лишь тот факт, что однажды он уже находился под следствием о краже провианта и по вынесении приговора по делу о доносе вновь требовался «из выборгской канцелярии доношением к розыску»¹⁵. Поэтому доносителя приговорили к наказанию шпицрутенами и разжалованию в извозчики «навечно» по 42-му артикулу о систематических дисциплинарных проступках военнослужащих.

Решение по Пушкарёву, пожалуй, было самым суровым из тех, что были применены к участникам данного судебного разбирательства. Хотя вину подполковника Ступишина по большинству пунктов обвинения в неоднократных кражах полковых сумм доказали, он обязывался лишь вернуть деньги в полковую казну (всего 101 рубль). Кроме того, с него должны были удержать жалованье за четыре месяца¹⁶. Впрочем, даже об этом сравнительно мягком наказании постарались забыть как рядовые гарнизонные служащие, так и генералитет. Признание виновным в хищениях не помешало А.В. Ступишину получить новый высокий чин. Через три года после вынесения судебного решения, признававшего его виновным, он 26 сентября 1727 года был пожалован в полковники. Более того, в смотровом списке Карельского пехотного полка (1733 г.) информация о причастности к преступлениям полковника А.В. Ступишина подавалась совершенно особым образом: «Был в фельдере по неправо доношению полковаго писаря Андрея Пушкарёва в 718-м году в похищении полковых денег, за которое ево, Пушкарёва, ложное доношение [Пушкарёв] прогнан чрез полк шпицрутен три раза и написан в извозчики вечно»¹⁷.

В ходе следствия по доносу А.И. Пушкарёва особенное внимание властей привлекла

деятельность премьер-майора И.М. Лаврова, использовавшего служащих в партикулярных работах. Властям удалось установить следующие факты: освобождение военнослужащих от несения караулов и прочих обязанностей за работу на офицеров; привлечение к партикулярной работе ротных плотников, кузнецов и солдат; взятие леса, заготовленного для нужд полка; отправка сделанной утвари в деревню И.М. Лаврова. Первоначально премьер-майора приговорили к разжалованию в солдаты до выслуги и штрафа, но в Военной коллегии эти меры заменили на лишение чина сроком на год, удержание жалованья за год, денежную выплату в пользу служащих за выполненную работу. По истечении года наказания И.М. Лавров должен был продолжить службу в ином полку¹⁸.

Таким образом, уже в начальный период существования Выборгского гарнизона определились типичные преступления, самым распространённым из которых было использование служебного положения с целью личной наживы. Так, хищения в Выборге совершали и рядовые, и служащие, имевшие офицерский чин. В целом именно злоупотребления властными полномочиями стали наиболее серьёзной проблемой. При этом отсутствовала строгость при наказании командного состава за уголовные преступления и дисциплинарные проступки. Сверх того, из фактов биографии подполковника, а впоследствии полковника А.В. Ступишина следует, что доказательство виновности в хищении полковых денег отнюдь не становилось препятствием для получения нового высокого чина в Выборгском гарнизоне. Такой подход к системе наказаний создавал условия для совершения новых преступлений.

Противозаконная работа солдат на офицеров была столь же распространена при новом обер-коменданте Выборгской провинции французе Алфери де Кулоне, как и при И.М. Шувалове. Весной 1734 года началось очередное следствие по поводу привлечения солдат к партикулярным

работам. Фискал Выборгского гарнизона Седякин обвинял как высшее провинциальное руководство в лице генерал-лейтенанта А. де Кулона и других гарнизонных офицеров, так и мелких местных чиновников. Фискалу удалось выявить ряд соответствующих фактов, в том числе следующие: выборгский обер-комендант А. де Кулон держал десять солдат в гребцах, одного — кормщиком и пятерых — «в собственной работе»; секретарь выборгской провинциальной канцелярии использовал «во услуге» двух солдат; полковой лекарь Выборгского пехотного полка Антон Дугилриут и выборгский рекетмейстер Кромпейн привлекли на работу каждый по одному солдату. Доношение фискала в Военную коллегию содержит лишь обвинения, но не приговор, если таковой вообще состоялся. И тем не менее примечательны даже те немногие факты, которые зафиксированы в анализируемом документе.

Давая объяснения Седякину, выборгский обер-комендант, в обязанности которого входило ведение фортификационных работ, рассказал, что гребцы необходимы для осмотра крепости со стороны залива. Тем самым часть обвинений как будто снималась с А. де Кулона. Однако, по-видимому, работа гребцами отнюдь не исключала привлечения определённых для этого людей к хозяйственным занятиям. Характерен ответ, который дали солдаты, когда фискал застал их за метанием сена, принадлежавшего А. де Кулону. В ходе расспросов они «разъяснили», что «помянутое сено клали ни с чьего приказа и повеления, но собою добровольно по прошению служителей его [де Кулона]»¹⁹. Сложно представить ситуацию, при которой солдаты могли отказаться от такого «предложения», высказанного служителями главы местной администрации.

Другие офицеры Выборгского гарнизона, не наделённые столь широкими полномочиями, которыми обладал А. де Кулон, не могли нанять служителей или приказчиков. Однако и они умели использовать начальственное положение в отношении рядовых для личной

пользы. Так поступал, к примеру, прапорщик Карельского полка Пётр Кузнецов. Его дело началось с потери в июне 1737 года лошади одним из драгунов, зачисленных в команду прапорщика. Данному отряду было вменено в обязанность нести службу на пограничном форпосте. После изучения всех подробностей дела о пропаже перед гарнизонным начальством предстала нерадостная картина будней служащих, откомандированных для охраны границы. Прибыв на форпост, прапорщик П. Кузнецов сразу отправил двух солдат из своей команды для выполнения сдельных работ в одну из близлежащих деревень. Солдаты находились там в течение трёх недель. За это время их дважды навещал драгун Савелий Белопасов, один раз вместе с прапорщиком П. Кузнецовым. В первый раз драгун забрал у солдат деньги и отвёз команду на форпост, в другой раз вся компания пьянствовала на выреченные средства в местном кабаке в течение двух дней. В один из этих визитов и была потеряна полковая лошадь.

Примечательно, что каждое следствие, посвящённое изучению обстоятельств конкретного уголовного преступления или дисциплинарного проступка, обязательно сталкивалось с целым ворохом различных происшествий, совершённых в разное время одним и тем же служащим. Так, портрет прапорщика П. Кузнецова завершает описание «продерзостей», которые он совершил осенью того же 1737 года, а именно: оскорбление в пьяном виде «бранными словами» поручика Карельского полка Гаврилы Плохова, отказ в течение двух дней выходить на учения, наказание солдата того же полка Михайлы Хомякова батогами без предъявления официального обвинения. Приговор гарнизонного начальства, отменённый Военной коллегией, был лаконичным: «разстрелять». В итоге П. Кузнецов оказался разжалован в солдаты до выслуги и оштрафован за потерю лошади²⁰.

Если получение дополнительного дохода было для офицеров возможным даже в отдалённых деревнях Выборгской провинции, то при сбо-

ре подушной подати им выпал действительно уникальный шанс поправить своё материальное положение, поскольку дислоцировавшиеся здесь полки содержались за счёт налогов, поступавших в казну из... Вологодской провинции²¹. Именно туда регулярно и направлялись команды во главе с обер-офицерами для сбора денег. Так, в 1732 году в г. Тотьме (Вологодская провинция) у сбора подушных денег находился Лифантий Иванов «сын Галечинин» вместе с другими «служивыми-выборжцами».

Кто же этот «герой» и что он учинил?

Л.И. Галечинин был одним из наиболее опытных служащих Ивангородского полка Выборгского гарнизона. Крестьянский сын Галицкого уезда, он начал военную службу именно в этой воинской части ещё в 1706-м (тогда полк именовался Шкотовым). Переведённый в Выборг в 1710-м, Галечинин к 1730-му выслужился в обер-офицеры, а чин прапорщика получил в 1731-м, буквально накануне визита в Тотьму²². Этот город ему довелось посетить по меньшей мере дважды: во второй раз — в 1736 году, когда его выслали из Выборга для дачи показаний по делу о взятках, принятых им и солдатами его команды от местных жителей в течение 1732 года. Сумма взяток составляла 95 рублей. Как утверждали местные жители, военнослужащие брали взятки «денгами, харчем и питьем», а также куницами. Попытки Л.И. Галечинина оправдаться, утверждая, что он лично не принимал денег и подношений, не увенчались успехом. Местные жители смогли доказать, что передавали деньги для прапорщика через солдат. По результатам следствия в Военной коллегии Л.И. Галечинин в декабре 1738 года был разжалован в солдаты на полгода и приговорён к выплате почти ста рублей в пользу обывателей Вологодской провинции. Эта сумма фактически равнялась жалованью прапорщика за два года службы (в соответствии с нормами воинского штата 1731 г. годовое жалованье прапорщика равнялось 56 рублям²³). Однако следствие

затянулось на столь долгий срок, что окончательное решение было оглашено лишь спустя шесть лет после инцидента. Таким образом, возмещение убытков местным жителям оказалось пустыми словами, и до 1744 года никто из Вологодской провинции не потребовал этих денег. Именно тогда писарь Фридрихсгамского гарнизонного полка (сын Л.И. Галечинина Михаил) попросил вернуть указанную сумму ему как единственному наследнику умершего отца²⁴.

Среди изученных материалов не удалось выявить ни одного дела, в котором содержалось бы упоминание о насилии офицеров над гражданскими лицами. Обстоятельства изученных преступлений связаны лишь с нарушением служебных обязанностей и злоупотреблением властными полномочиями.

Обращает на себя внимание тот факт, что вопреки законодательным нормам к смертной казни офицеры не приговаривались. В целом реакцию властей на действия офицеров гарнизона нельзя признать достаточной для пресечения противозаконных действий. Как правило, Военная коллегия заменяла казнь денежным штрафом или понижением в чине. Этому можно дать два объяснения: дефицит хорошо обученных и опытных кадров для армии²⁵ и стремление властей повысить привлекательность службы в отдалённой пограничной крепости. Последнему обстоятельству способствовала и устоявшаяся система, внутри которой командному составу гарнизона позволялось распоряжаться полковыми денежными средствами по своему усмотрению и использовать труд солдат для личных нужд.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Адамович Б.* Осада Выборга 1710 г. // Военный сборник. 1903. № 9. Ч. 25—49; *Васильев М.* Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953; *Славитский Н.Р.* Осада и взятие Выборга русскими войсками в 1710 г. // Victoria. Gloria. Famma. Материалы международной научной конференции, посвящённой 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2003. Ч. 3. С. 93—97; *Мошник Ю.И.* Выборг в 1710 году // Страницы Выборгской истории. СПб., 2004. Т. 2. С. 207—221.

² *Проскурякова М.Е.* Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Институт истории РАН. Петрозаводск, 2009.

³ *Мышлаевский А.З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг. СПб., 1893. С. 400. Табель № 37; *Славитский Н.Р.* Укрепления Выборга в годы Северной войны // Северная война: взгляд из Выборгского замка. Выборг, 2010. С. 18.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 412: Сведения о русских войсках (1639—1917 гг.). Оп. 1. Д. 43. Л. 70, 92, 111.

⁵ Там же. Ф. 9: Гарнизонная экспедиция канцелярии Военной коллегии. Оп. 2. Д. 69. Л. 303 об., 304.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. 5. С. 701. (№ 3380; Об устройстве губерний и об определении в оные правителей от 20 мая 1719 г.).

⁷ См.: *Азнабаев Б.А.* Воинские правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII века (по смотровым и формулярным спискам полков и батальонов Оренбургской губернии) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2004. № 1. С. 101—114; *Калашиников Г.В.* Офицеры под судом и следствием. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725—1745) // Кодекс-info. 2000. № 2. С. 80—87; *Лупанова Е.М.* Офицерский корпус русского флота: норма и девиация повседневной жизни. 1768—1812 гг. СПб., 2011.

⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 198: Меншиков А.Д. Оп. 1. Д. 1061. Л. 300—303.

⁹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 43. С. 5. (№ 2319; Штаты армии от 19 февраля 1711 г.).

¹⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1061. Л. 303.

¹¹ Mikkelin Maakunta-arkisto. Viipurin provinssikanslian arkistoon sisältyvät seuraavat asiakirjat. Viipurin Provinssi Kirjeisto 1731—1732. E. Kirjeistä 1731—1736. Nrot. 2. S. 588—590.

¹² Kansallisarkisto. Kenraalikuvernöörinkanslian isot arkistot. Viipurin Provinssi Kirjeisto 1722. S. 457.

¹³ Артикул воинский / Российский общеобразовательный портал. Коллекция: исторические документы. URL: <http://historydoc.edu.ru/> (Дата обращения 14.12.2011).

¹⁴ Kansallisarkisto. Viipurin Provinssi Kirjeisto 1722. S. 96—99.

¹⁵ РГВИА. Ф. 8: Генерал-аудиторская экспедиция канцелярии Военной коллегии. Оп. 1. Д. 84. Л. 68.

¹⁶ Там же. Л. 69 об., 70.

¹⁷ Там же. Ф. 490: Коллекция офицерских сказок, смотровых и формулярных списков. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.

¹⁸ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 84. Л. 68, 69.

¹⁹ Там же. Д. 275. Л. 4 об.

²⁰ Там же. Оп. 3. Д. 208. Л. 12, 12 об.

²¹ Там же. Ф. 4: Армейская экспедиция канцелярии Военной коллегии. Оп. 1. Д. 108. Л. 121, 121 об.

²² Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 37 об., 38.

²³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 43. С. 175, 176. (№ 5864. О сумме на жалованье генералитету и их штату, и на канцелярии... от 28 октября 1731 г.).

²⁴ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 400. Л. 6.

²⁵ *Азнабаев Б.А.* Указ. соч. С. 114; См. подробнее обзор историографии: *Лупанова Е.М.* Указ. соч.